

ВЕРА КАСПАРИ

чай, кофе
и убийства

ВЕРА КАСПАРИ

КОШКИ-МЫШКИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)я44
К28

Серия «Чай, кофе и убийства»

Vera Caspary

LAURA. BEDELIA. STRANGER THAN TRUTH

Перевод с английского *И. Метлицкой* («Лора»),
М. Прокопьевой («Беделия»),
Е. Алексеевой («Удивительнее правды»)

Серийное оформление *В. Воронина*

Оформление обложки *В. Воронина*

Каспари, Вера.

К28 Кошки-мышки : [сборник : перевод с английского] / Вера Каспари. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 672 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-089794-0

Лейтенант полиции Макферсон расследует жестокое убийство богатой наследницы Лоры Хант, застреленной из дробовика в собственной нью-йоркской квартире. Поначалу подозрение падает на жениха жертвы Шелби Карпентера. Однако вскоре выясняются новые обстоятельства дела — и они таковы, что картина преступления меняется самым невероятным образом...

Во время рождественской вечеринки в уютном доме супругов Чарли и Беделии Хорст случается небольшое недоразумение — одна гостя осталась без подарка.

Чарли предлагает жене подарить ей колечко с искусственной черной жемчужиной, которое ему никогда не нравилось. Однако Беделия не желает расставаться с кольцом, а потом и вовсе заявляет, что кольца у нее больше нет...

Статья молодого и амбициозного журналиста о старом нераскрытом убийстве становится толчком для целой серии новых изощренных преступлений...

УДК 821.111-31(73)
84(7Сое)я44

© Vera Caspary, 1942, 1943, 1945, 1946
© Перевод. М. Прокопьева, 2016
Школа перевода В. Баканова, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

ISBN 978-5-17-089794-0

ΛΟΡΑ

ЧАСТЬ I

Глава 1

Тем летним воскресным утром город был тих. Миллионы ньюйоркцев, что вынужденно или добровольно остались на выходные в городе, изнывали от влажной духоты. Над островом висел туман, по вкусу и запаху почти не отличающийся от воды, в которой вымыли слишком много стаканов из-под содовой. С пером в руке я сидел за столом и наслаждался чувством, что среди миллионов горожан только я, Уолдо Лайдекер, полон сил и энергии. Вчерашний день, полный потрясений и горя, прошел и унес тоску. Сейчас я собирался написать эпитафию на смерть Лоры. Мою печаль от ее неожиданной и жестокой кончины несколько смягчала мысль о том, что, доживи Лора до преклонных лет, о ней быстро забыли бы, тогда как ужасные обстоятельства гибели и гений ее воздыхателя давали Лоре прекрасную возможность обрести бессмертие.

Раздался звонок в дверь. Почти сразу в комнату вошел Роберто, мой слуга филиппинец, и сообщил, что меня хочет видеть мистер Макферсон.

— Марк Макферсон! — воскликнул я и с видом человека, который без малейшего трепета встретился бы с самим Муссолини, велел Роберто попросить мистера Макферсона подождать. Магомет не спешил навстречу горе.

Визит отнюдь не заурядного полицейского (впрочем, я до сих пор не знаю ни его звания, ни должности) можно считать своеобразной честью. С людьми попроще особо не церемонятся и допрашивают прямо в полицейском управлении. Но разве юный Макферсон занимается расследованиями убийств? Скорее он снискал славу на поприще борьбы с политическими

Лора

преступлениями. Благодаря его работе по делу «Граждане Нью-Йорка против «Ассоциации производителей молочных продуктов»» молоко подешевело на цент за кварту, во всяком случае, так утверждали журналисты. По поручению сенатского комитета он расследовал несколько случаев профсоюзного рэкета, и совсем недавно группа прогрессистов выдвинула его кандидатуру на пост главы национальной комиссии по изучению доходов оборонной промышленности.

Из-за полуоткрытой двери кабинета я незаметно наблюдал за тем, как Макферсон нетерпеливо кружит по гостиной. Похоже, он был из тех, кто презирает вычурность и позерство, вылитый Кассий*, чью худобу и холодный блеск глаз подчеркивали темно-синий двубортный шерстяной костюм, скромная белая рубашка и унылый галстук. Руки длинные, напряженные, а еще худощавое лицо, внимательный взгляд и нос, явно унаследованный от суровых предков, которые с таким упорством вынюхивали порок, что их ноздри навсегда свирепо раздулись. Высоко подняв плечи, Макферсон держался нарочито прямо, словно знал, что за ним наблюдают. В моей гостиной он чувствовал себя неуютно: человеку с ярко выраженной мужественностью чуждо изящное совершенство. Признаю, не стоило надеяться, что Макферсон его одобрит. Я несколько поторопился, когда приписал ему хороший вкус, увидев, как внимательно он изучает мою весьма достойную коллекцию британского и американского стекла.

Макферсон хмуро разглядывал блестящий предмет, украшение моей коллекции. Он явно привык обращать внимание на детали и, несомненно, заметил на каминной полке в гостиной Лоры вазу в виде шара из посеребренного стекла, парную моей. Макферсон протянул

---

* Кассий — персонаж трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь», участник заговора против Юлия Цезаря. Автор отсылает к следующим строкам:

«А Кассий тощ, в глазах холодный блеск.

Он много думает, такой опасен». (Перевод М. Зенкевича)

руку к полке. Я бросился к нему как львица, защищающая детеныша.

— Осторожнее, молодой человек! Эта ваза бесценна!

Он резко оглянулся и едва не упал: коврик заскользил по натертому полу. Макферсон схватился за шкафчик, сохраняя равновесие. Фарфор и стекло жалобно зазвенели.

— Слон в посудной лавке, — съязвил я.

Колкость вернула мне доброе расположение духа, и я подал полицейскому руку. Он натянуто улыбнулся.

— Я пришел поговорить о деле Лоры Хант, мистер Лайдекер.

— Да, конечно. Присаживайтесь.

Гость осторожно опустился на хлипкий стул. Я предложил Макферсону сигареты в шкатулке из хэвилендского фарфора, но он отказался и достал трубку.

— Мистер Лайдекер, вы в некотором роде тоже специалист по преступлениям. Что вы думаете об этом деле?

Я оживился. Даже самым популярным писателям льстит внимание простых читателей.

— Рад слышать, что вы читаете «Продолжение следует».

— Только когда газета раскрывается на этой странице.

Его дерзость меня приятно удивила. В моем мире, где все выставляется напоказ, принято беззастенчиво навязывать свою дружбу, так что равнодушные Макферсона показались свежим и необычным. Я пустил в ход все свое обаяние.

— Может, вы и не поклонник Лайдекера, мистер Макферсон, зато я, признаюсь, слежу за вашей карьерой с восхищением.

— Уж вы-то должны знать, что не стоит верить газетчикам, — сухо ответил он.

Я нисколько не смутился.

— Вы ведь не занимаетесь уголовными расследованиями? Слишком мелко для человека вашего уровня.

— Мне поручили это дело.

— Служебные интриги?

В повисшей тишине было слышно, как Макферсон по-
пыхивает трубкой.

— Сейчас август, — задумчиво продолжил я. — Ко-
миссар полиции в отпуске, его заместителю всегда были
не по душе ваши успехи, рядовое убийство сейчас мало
кого интересует и после первых дней шумихи отодвига-
ется на вторую полосу газет, а то и дальше... В общем, за-
меститель комиссара нашел весьма удобный способ вас
унизить.

— Если вам так уж хочется знать правду, я скажу. —
Макферсон явно злился на себя за то, что снизошел до
объяснений. — Он знал, что вчера вечером я собирался
посмотреть бейсбольный матч между «Бруклин Доджерс»
и «Бостон Ред Сокс».

Я пришел в восторг.

— Мелкая вражда ведет к великим деяниям.

— Великие деяния, как же! Легкомысленную дамочку
убивают в ее собственной квартире. Ну и что? Наверня-
ка это сделал мужчина. Надо его найти, и все. Поверьте,
мистер Лайдекер, сегодня я обязательно посмотрю игру,
и никакой убийца мне не помешает.

Меня задело, что он грубо отозвался о моей ненагляд-
ной Лоре, и я съязвил:

— Бейсбол? Теперь понятно, почему ваша профессия
пришла в упадок. Великие сыщики и не помышляли об от-
дыхе, пока не настигали злоумышленника.

— Я — простой служащий, у меня обычный рабочий
день. И если вы думаете, что довольно заурядное проис-
шествие заставит меня работать сверхурочно, то поищите
кого-нибудь другого.

— Преступники не отдыхают по воскресеньям.

— Я видел вашу покойную приятельницу, мистер
Лайдекер, и готов поспорить, что этот преступник от-
дыхает, как и все мы. Возможно, спит до обеда и вста-
ет с постели только после трех стаканчиков бренди.
Впрочем, над делом уже работают мои люди.

— Для человека вашего уровня, мистер Макферсон,
расследование простого убийства наверняка не более ин-

интересно, чем колонка цифр для квалифицированного бухгалтеря, который начинал счетоводом.

В этот раз Макферсон рассмеялся и уже не выглядел таким суровым.

— Пересядьте на диван, — предложил я. — Там вашей ноге будет удобнее.

Он нахмурился.

— А вы наблюдательны.

— У вас осторожная походка, Макферсон. Большинство ваших коллег передвигаются с грацией слона. Раз уж вы так болезненно реагируете, позвольте заверить, что ваша хромота почти незаметна. Просто у меня сильный астигматизм, и я сразу вижу людские изъяны.

— Это не изъян, — возразил он.

— Служебный подарок?

Макферсон кивнул.

— Вавилон.

Я вскочил со стула.

— Полицейская операция в городке Вавилон на Лонг-Айленде! Вы читали мою статью? Погодите... неужели это у вас серебряный стержень в малой берцовой кости?

— В большой берцовой.

— Потрясающе! Мэтти Грейсон! Какой был человек! Сейчас убийцы не те, что прежде.

— Меня устраивают.

— Сколько полицейских он подстрелил?

— Трех положил из автомата в доме своей тещи, а один, с простреленными легкими, до сих пор лечится в Саранакской больнице.

— Почетные раны, и не нужно их стыдиться. Возвращение на службу — очень смелый поступок!

— Мне повезло, что я вернулся. Было время, мистер Лайдекер, когда работа ночным сторожем казалась мне пределом мечтаний. И смелость здесь ни при чем. Работа есть работа. Черт, да я так же боюсь стрельбы, как коммивояжер, который попортил слишком много фермерских дочек!

Я расхохотался.

— А мне уж было показалось, мистер Макферсон, что вы воплощаете все шотландские добродетели, кроме чувства юмора и любви к хорошему виски. Кстати, хотите выпить?

— Не откажусь.

Я плеснул ему неразбавленного виски. Макферсон осушил его одним махом, словно пил чистойшую воду из озера Лох-Ломонд, и протянул стакан за добавкой.

— Надеюсь, вас не обидели мои слова о вашей колонке. Признаться, я изредка ее почитываю.

— Почему же она вам не нравится?

— Пишете вы гладко, — ответил он, не раздумывая, — да вот только сказать вам нечего.

— Макферсон, вы сноб. Более того, шотландский сноб, а еще такой авторитет, как Теккерей, утверждал, что хуже шотландского сноба не существует твари на свете*.

В этот раз он сам налил себе виски.

— Что же, по-вашему, можно считать хорошей литературой, мистер Макферсон?

Когда Макферсон смеялся, он походил на мальчишку-шотландца, который научился получать удовольствие, не опасаясь наказания за грех.

— Вчера утром, после того как нашли труп и стало известно, что Лора Хант обещала поужинать с вами в пятницу, но не пришла, к вам отправили сержанта Шульца. Он спросил, что вы делали в тот вечер...

— Я ответил, что ужинал в одиночестве и порицал эту женщину за вероломство, — перебил его я. — А еще принимал прохладную ванну, читая Гиббона**.

— Да, и знаете, что сказал Шульц? Сказал, что, должно быть, от этого Гиббона бросает в жар, раз вы читаете его в холодной ванне. — Макферсон немного помолчал, потом с воодушевлением добавил: — Я тоже читал все

* Слегка измененная цитата из книги У. Теккерей «Книга снобов, написанная одним из них».

** Эдуард Гиббон, *Edward Gibbon* (1737–1794) — известный английский историк, автор капитального исследования «История упадка и разрушения Римской империи».

работы Гиббона, и Прескотта*, и Мотлея,** и даже «Иудейские войны» Флавия***.

— В колледже или из спортивного интереса?

— Колледжи не для сыщиков. А вот если четырнадцать месяцев валяешься в больнице, ничего не остается, как читать книги.

— Думаю, тогда-то вы и стали интересоваться социальной природой преступности.

— До того времени я был невеждой, — сдержанно признал Макферсон.

— Значит, автоматная пальба Мэтти Грейсона в конечном итоге пошла вам на пользу. Возможно, вы бы до сих пор прозябали в отделе по расследованию убийств.

— Похоже, мистер Лайдекер, вам нравятся люди с изъяснениями.

— Я всегда сомневался в тонкости чувств Аполлона Бельведерского.

Роберто сообщил, что завтрак готов. Будучи от природы человеком воспитанным, он накрыл стол на двоих. Поначалу Марк отказывался составить мне компанию, заявив, что пришел не в гости, а по делу, причем довольно неприятному для нас обоих.

Я со смехом отверг его возражения.

— Это входит в служебные обязанности. Мы даже еще не начали обсуждать убийство, и я не вижу причины разговаривать на пустой желудок.

Двадцать четыре часа назад в мою столовую вошел циничный, но довольно любезный полицейский и сообщил, что Лора найдена мертвой в своей квартире. Я ничего не ел с той самой минуты, как сержант Шульц прервал мой мирный завтрак известием, что Лору Хант, не сдержав-

---

* Уильям Прескотт, *William Hickling Prescott* (1796–1859) — американский историк, автор фундаментальных работ по истории Испании XV–XVI вв. и испанского завоевания Мексики и Перу.

** Джон Лотроп Мотлей, *John Lothrop Motley* (1814–1877) — американский историк и дипломат.

*** Иосиф Флавий, (ок. 37 г. — ок. 100 г.) — знаменитый древнееврейский историк и военачальник.

шую обещание поужинать со мной, застрелили. Пытаясь вернуть мне аппетит, Роберто потушил почки с грибами в кларете. Пока мы ели, Марк обрисовал сцену в морге, где труп опознали горничная по имени Бесси и тетя Лоры, Сюзан Тредуэлл.

Несмотря на глубокое горе, я наслаждался контрастом между удовольствием, с которым молодой человек поглощал пищу, и ужасным рассказом.

— Когда женщинам показали тело...

Макферсон замолчал, чтобы поддеть вилкой очередной кусок, затем продолжил:

— ...они обе упали в обморок. Тяжелое зрелище, даже для посторонних. Море крови...

Он обмакнул ломтик поджаренного хлеба в соус.

— Выстрел из дробовика... Вообразите, на что это похоже.

Я закрыл глаза, представив Лору такой, как ее нашла Бесси: в шелковом халате на голое тело и серебряных туфельках, расprostertую на обюссонском ковре.

— Стреляли почти в упор. — Макферсон зачерпнул ложкой острый соус-релиш. — Миссис Тредуэлл упала в обморок, но горничная держалась молодцом. Довольно странная особа эта Бесси.

— Для Лоры она была больше, чем просто прислуга. Советчица, философ и злейший враг всех Лориных добрых друзей. Божественно готовит, но к великолепно жаркому всегда подает горькие травы*. По мнению Бесси, ни один мужчина, переступивший порог их дома, не был достаточно хорош для Лоры.

— Когда наши парни прибыли на место преступления, она вела себя на удивление хладнокровно. Открыла дверь и невозмутимо показала труп, словно находить хозяйку убитой для нее привычное дело.

— В этом вся Бесси, — заметил я. — Зато если вы ее разозлите...

---

* Вкушение горьких трав, равно как и горькой пищи, согласно Библии, служит обычным символом бедствий и страданий.

Роберто принес кофе. Восемнадцатую этажами ниже сигналил автомобиль. Через открытые окна доносилась музыка: по радио передавали воскресный утренний концерт.

— Нет-нет! — воскликнул я, увидев, что Роберто поставил перед Марком чашку с изображением Наполеона. Потянувшись через стол, я взял ее себе, а гостю досталась чашка с изображением Жозефины.

Макферсон пил кофе и с молчаливым неодобрением наблюдал, как я отвинчиваю сердоликовую крышечку серебряного флакона с таблетками сахарина. Я всегда щедро мажу булочки сливочным маслом, свято веря, что, заменив сахар сахарином, стану стройным и привлекательным. Под презрительным взглядом Марка моя вера несколько пошатнулась.

— Должен сказать, что вы не слишком усердны, — недовольно проворчал я. — Могли бы, скажем, снять отпечатки пальцев.

— Порой при расследовании преступлений важнее смотреть в лица.

Я повернулся к зеркалу.

— Сегодня утром у меня чрезвычайно невинный вид! Признайтесь, Макферсон, вы никогда не видели таких честных глаз. — Я снял очки, демонстрируя лицо, круглое и розовое, как у ангелочка. — Кстати, о лицах. Вы уже видели Лориного жениха?

— Шелби Карпентера? У нас встреча в двенадцать. Он сейчас у миссис Тредуэлл.

Я жадно ухватился за эту новость.

— Шелби у нее? С какой стати?

— Он считает, что в отеле «Фрамингем» слишкомлюдно. В вестибюле собралась куча народа, и все хотят взглянуть на человека, чья невеста стала жертвой убийства.

— Что вы думаете о его алиби?

— А что я думаю о вашем, вам неинтересно? — язвительно спросил он.

— Ну, вы же согласились, что нет ничего необычного в том, чтобы провести вечер дома, читая Гиббона.